Прокручивая страницу, Ча Хён Сын обнаружил знакомое имя в колонке "Экономика" и подсознательно кликнул на него.

<Директор по планированию группы XX Пак Чжи Хёк возвращается в Корею вместе с женой после 8 лет работы. Это начало полномасштабной борьбы за преемственность?>

Статья начиналась с рассказа о том, как Пак Чжи Хёк с женой после свадьбы уехал учиться за границу, и о многочисленных достижениях, которые он накопил в нью-йоркском филиале. Благодаря этим успешным достижениям он был переведен обратно в штаб-квартиру XX Group. Еще во время учебы в университете его не интересовало управление финансовой компанией, но теперь у него был вид амбициозного бизнесмена. Если бы в статье не было фотографии Пак Чжи Хёка, Ча Хён Сын никогда бы не узнал, что амбициозный Пак Чжи Хёк - это Пак Чжи Хёк, которого он знал. Кроме того, незнакомая женщина, стоявшая рядом с Пак Чжи Хёком, была внучкой главы медиаконгломерата.

Все статьи, в которых благоприятно писали о Пак Чжи Хёке, принадлежали этому конгломерату. Это было странно, ведь 10 лет назад Пак Чжи Хёк и На Ми Ён, безусловно, встречались друг с другом. Столкнувшись с сильной оппозицией со стороны его семьи, они в один прекрасный день внезапно исчезли из школы. После слухов о том, что они сбежали, он больше не слышал о них никаких новостей. Никто не говорил о том, "что же с ними стало потом?", и он никогда не спрашивал об их местонахождении, но теперь он знал, чем закончилось их бегство. Возможно, их сказочный "романтический" побег закончился неудачей.

Однако мысли Ча Хён Сына прервал звонок телефона. Когда он ответил на звонок, голос его ассистента с силой вернул его в реальность.

— Профессор, здесь очень плохая еда!

Услышав, как ассистент жалуется на еду, уголки рта Ча Хен Сына слегка приподнялись. Его ассистент заранее спустился в университет, где должен был проходить семинар, чтобы сделать кое-какие приготовления.

— Когда будете здесь, не идите сразу в университет, а пообедайте где-нибудь в другом месте. В Пусане так много хороших ресторанов. Как может еда в этом университете быть такой ужасной на вкус?

Его ассистент, имевший репутацию гурмана, начал перечислять все известные блюда Пусана. Он даже попросил Ча Хён Сына включить в расписание их семинара, который длился три дня и две ночи, экскурсию по ресторанам. Пораженный речью и поведением ассистента преподавателя, чего он никогда не мог себе представить, когда сам был ассистентом преподавателя, он положил трубку и задумался о том, не слишком ли он покладист. Когда он убирал телефон в карман, свет отразился от обручального кольца на левой руке Ча Хён Сына.

Сойдя с поезда, он взял такси до университета. Приехав на место, он вдруг вспомнил слова своего ассистента и решил пообедать в ближайшем ресторане. Ему не хотелось никакой

конкретной еды, поэтому он осмотрелся и увидел ресторан дваэджи-гукбап[1]. Вспомнив, что, по словам его помощника, это одно из обязательных блюд в Пусане, он без колебаний вошел в ресторан.

— Добро пожаловать.

Время было после обеда, поэтому в ресторане было довольно тихо и пусто. Женщина, которая была то ли владелицей ресторана, то ли просто кем-то, кто там работал, провела его к его месту, неся на спине ребенка.

— Столик на одного? Всего одна порция рисового супа из свиных костей?

Недолго думая, Ча Хён Сын просто кивнул головой, пока не понял, что голос ему знаком. Подняв голову, он встретился глазами с На Ми Ён, у которой была дешевая завивка. На мгновение он засомневался, была ли это сама На Ми Ён или просто кто-то, похожий на нее. В неуверенности он снова услышал ее голос.

— Вы будете кусочки вареной свинины?

Это точно была На Ми Ён. Когда Ча Хён Сын медленно кивнул, она ярко улыбнулась и крикнула в сторону кухни.

— Один рисовый суп и одну порцию вареной свинины для второго стола!

Когда На Ми Ён принесла одноразовую посуду и чашку, он уставился на нее, все еще пребывая в шоке. Однако она не узнала его и обращалась с ним как с одним из своих клиентов, словно он был совершенно незнакомым человеком.

Когда принесли еду, Ча Хён Сын начал медленно есть, а его глаза продолжали следить за На Ми Ён. Она сидела за столом, держа на руках своего ребенка и давая ему бутылочку с молочной смесью. Ребенку на вид было меньше года, и он торопливо пил из бутылочки. На Ми Ён выглядела счастливой, наблюдая за тем, как ее ребенок пьет молоко, уговаривая его. В этот момент из кухни вышел невысокий пухлый мужчина в фартуке. Он не был ни красивым, ни уродливым, просто обычным, сверху донизу. Включив телевизор, этот обычный человек посмотрел на Ми Ён и ее ребенка и восхищенно улыбнулся.

Канал, на котором он остановился через некоторое время, оказался новостным, в частности, о том, что Пак Чжи Хёк сегодня возвращается в Корею. Он и его жена, а также их пятилетний сын, который держал родителей за руки, были замечены выходящими из зала прилета. Вскоре после этого Пак Чжи Хёк, держа сына за одну руку, улыбнулся в камеру. В нижней части экрана были написаны следующие слова: 'Полномасштабная битва за преемственность группы XX'. Ведущие новостей также говорили об этом.

— Мальчику, должно быть, очень повезло, что он родился в такой богатой семье. В наши дни мы говорим, что такие дети родились с золотой ложкой во рту.

Посмотрев на пятилетнего мальчика вместо Пак Чжи Хёка, мужчина перевел взгляд на На Ми Ён и ребенка, которого она держала на руках. Он выглядел несколько жалко, с любовью глядя на них двоих.

— Посмотри что-нибудь другое, — предложила На Ми Ён.

На Ми Ён опустила глаза, как только на экране появился Пак Чжи Хёк. Несмотря на то, что она тихо попросила, мужчина, который, судя по всему, был ее мужем, не подчинился.

— Все каналы одинаковые. Смотреть нечего.

— Почему ты смотришь новости о других людях, которые не имеют к нам никакого отношения! — крикнула На Ми Ён.

— Другие вещи тоже не имеют к нам никакого отношения. Но почему ты расстраиваешься?

— С чего мне расстраиваться, если я просто прошу тебя посмотреть что-то другое?

Вначале она повысила голос, но к концу своего заявления он стал мягче и осторожнее.

— Мамочка, папочка, я вернулся из школы.

Как раз в тот момент, когда атмосфера в ресторане становилась все более неловкой, в ресторан вошел мальчик, которому на вид было не больше десяти лет, с сумкой в руках.

— Почему ты вернулся только сейчас? Ты уже пообедал? — спросил муж На Ми Ён.

— Я уже пообедал в доме друга.

— Тогда ты должен был позвонить! Знаешь, как волновалась твоя мама? — мужчина укорил мальчика.

— Дорогой, почему ты так себя ведешь? — спросила На Ми Ён.

На Ми Ён пыталась успокоить своего слишком разгневанного мужа и тайком поглядывала на мальчика, намекая ему зайти в дом. Мальчик, увидев лицо отца, поспешно прошел мимо стола, за которым сидел Ча Хён Сын, и скрылся внутри. Когда мальчик прошел перед ним, Ча Хён Сын увидел - в тот момент, когда лицо мальчика и лицо Пак Чжи Хёка на экране оказались бок

о бок перед ним, и как они похожи. Он больше не мог заставить себя взять в руки палочки для еды.

На Ми Ён пыталась успокоить мужа, держа на руках лепечущего ребенка. Когда муж подсознательно называл мальчика незаконнорожденным и жаловался На Ми Ён, спрашивая, почему он должен воспитывать чужого ребенка, она заметила присутствие в ресторане Ча Хён Сына, который был единственным посетителем, оставшимся в ресторане. Ей стало стыдно, лицо покраснело. Однако это произошло потому, что он был посторонним свидетелем частной ссоры. Она все еще не могла вспомнить, кто он такой.

Ча Хён Сын встал и подошел к стойке. В это время подошла На Ми Ён и стала рассчитывать счет. Ча Хён Сын намеренно четко написал свое имя на фирменном блокноте, она посмотрела на имя, написанное внизу чека, но, не задумываясь, отдала чек Ча Хён Сыну и улыбнулась. Подумать только, она не могла вспомнить его лицо; она никак не могла вспомнить его имя.

Ча Хён Сын вышел из ресторана с грустной улыбкой, и в итоге остался слоняться у входа, безучастно глядя на небо. Сейчас было то же время года, что и тем жарким летом десять лет назад, и от знойной жары Пусана его тело стало еще более липким от пота. Слегка ослабив галстук и вытерев пот со лба, Ча Хён Сын в последний раз оглядел ресторан. На Ми Ён была там. Она стала женой другого человека, а не Пак Чжи Хёка.

Ради чего от терпел то жаркое лето? Что бы это ни было, но не ради этого; он не был настолько терпелив и не вытерпел бы столько, чтобы просто посмотреть на ее нынешнюю участь. Его дрожащие глаза были полны сожаления. Выпустив глубокий вздох, Ча Хён Сын закрыл глаза и медленно открыл их снова, его взгляд медленно окреп. Он вытянул левую руку и посмотрел на обручальное кольцо на своем пальце. Теперь рядом с ним был человек, которого он должен был любить и защищать.

Для На Ми Ён он был человеком без имени и истории. Кто он такой, чтобы рассказывать о ее жизни или сочувствовать ей? То ли ему не хватало смелости, то ли он был слишком терпелив, но его любовь была недосягаемым криком; она пришла, как ливень в летний день, который затем бесследно исчез. Поскольку он был единственным, кто любил, скучал и сожалел, он должен был сам положить конец этой любви. Он не знал, любит ли сейчас На Ми Ён своего мужа или нет. Он надеялся, что она не жалеет о пережитой любви и не пожалеет о нынешней. Как и он сам.

И тут, словно небеса ответили ему, ему позвонила жена. Как только он увидел на экране телефона слово "Жена", края его рта расслабились.

— Дорогой, ты благополучно добрался до Пусана? Я хотела позвонить тебе сразу по приезде, но забыла об этом, пока работала. Вот такой я человек. Там очень жарко, да? Ты уже пообедал?

Услышав голос жены, которая бессвязно задавала несколько вопросов, Ча Хён Сын изобразил на лице сложное выражение, как будто он одновременно улыбался и плакал. Он был не из тех людей, которые весь день думают о своей жене. Он был не из тех людей, которые проводят весь

день, думая о жене. Он вспоминал о ней, когда не работал или не размышлял о других вещах, и предполагал, что его жена думает о том же. Однако пока жена думала о нем, он думал о На Ми Ён. Это были даже не бывшие отношения, это была безответная любовь. Однако это не означало, что это была не любовь. Мысленно объявив о конце своей любви, закрыв давно забытую главу своей юности, Ча Хён Сын очень мягким голосом попросил прощения у своей жены. Он не знал, слышит ли она его, и единственными людьми, которые могли видеть, как Ча Хён Сын произносит свои извинения, были, вероятно, телезрители.

Не услышав его тихих извинений, жена попросила его повторить то, что он только что сказал.

— Хм? Ты что-то сказал?

— ...

На этот раз, вместо того чтобы извиниться, он сказал что-то другое. И снова зрители смогли понять, что он произнес, прочитав его по губам, а не услышав его голос. Однако его жена, которая не видела его губ и даже не слышала его голоса, ответила ему радостно, как будто знала все, что он сказал.

— Я уже знаю. Я тоже тебя очень люблю.

Ча Хён Сын наконец-то смог улыбнуться в ответ. Его лето было таким же жарким, как и всегда. Но как бы ни было жарко, прошедший ливень был сырым и холодным. Однако он больше не был одинок под холодным дождем, принесенным жизнью.

— Отлично, снято!

Наконец, они закончили снимать финальную сцену фильма. У Джин, который ненадолго погрузился в эмоции, оставленные Ча Хён Сыном, медленно вышел из них. Выпустив длинный вздох и расслабив тело, У Джин смог ярко улыбнуться. Чувство грусти и чувство выполненного долга, которое пришло с завершением чего-то, странным образом взволновало его.

— Спасибо вам за вашу тяжелую работу.

Все аплодировали У Джину, а он поклонился Чхве И Гёну и съемочной группе.

Примечание:

Дваэджи-гукбап (□□□□) - суп из свинины и риса с кубиком какакдуги (нарезанный кубиками редис кимчи)

http://tl.rulate.ru/book/60946/2709322